

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.22.01(045)
© Николаев Н. С., 2022

Судьба обременений при первоначальном приобретении права собственности на вещь

Никита Сергеевич Николаев, студент юридического факультета, Финансовый университет, Москва, Россия
Nikita S. Nikolaev, student, Faculty of Law, Financial University, Moscow, Russia
206027@edu.fa.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется значение классификации способов приобретения права собственности на первоначальные и производные при определении судьбы ограниченных вещных прав. Методологическую основу работы составляет формально-юридический, сравнительно-правовой и исторический методы. При анализе российского законодательства выявлена проблема неоднозначности понимания термина «переход права», которую автор предлагает преодолевать путем систематического и теологического толкования Гражданского кодекса. Отдельное внимание уделяется институту приобретательной давности, а также судьбе сервитутов при первоначальном способе возникновения права собственности на земельный участок. Кроме того, автор полагает, что выявленный пробел в регулировании вопроса сохранения обременений при первоначальном приобретении права собственности можно восполнить с помощью аналогии закона. Автором сделан вывод о том, что права третьих лиц должны сохраняться при первоначальном приобретении права собственности на вещь.

Ключевые слова: способы возникновения права собственности; правопреемство; переход права; ограниченные вещные права; залог; приобретательная давность; сервитут; ипотека; конфискация

Для цитирования: Николаев Н. С. Судьба обременений при первоначальном приобретении права собственности на вещь. *Научные записки молодых исследователей.* 2022;10(3):21–27.

ORIGINAL PAPER

Fate of Encumbrances in the Original Acquisition of the Property Right

ABSTRACT

The paper examines the significance of the classification of ways of acquiring ownership of the original and derivatives in determining the fate of limited rights in rem. The methodological basis of the work is

Научный руководитель: **Афанасьев И.В.**, кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации / Scientific supervisor: **Afanasyev I.V.**, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Faculty of Law, Financial University, Moscow, Russia.

technical, historical and comparative-legal methods. During the analysis of Russian legislation, the author revealed the problem of ambiguity in understanding the term “transition of law” which he proposes to overcome through a systematic and theological interpretation of the Civil Code. Also, the author paid special attention to the institution of acquisitive prescription, as well as the fate of servitudes in the initial way the right of ownership of a land plot arises. In addition, the author believes that the identified gap in the issue’s regulation of maintaining encumbrances during the initial acquisition of property rights can be filled with the help of the analogy of the law. The author concluded that the rights of third parties must be preserved during the initial acquisition of ownership of a thing.

Keywords: *methods of acquiring property rights; succession; transition of rights; limited property rights; pledge; acquisitive prescription; easement; mortgage; confiscation*

For citation: Nikolaev N. S. Fate of encumbrances in the original acquisition of the property right. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei = Scientific notes of young researchers. 2022;10(3):21–27.*

Введение

Неотъемлемой характеристикой ограниченных вещных прав является свойство следования, закрепленное соответственно в п. 3 ст. 216 и п. 1 ст. 353 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Согласно вышеуказанным нормам при переходе права собственности на вещь все обременения, лежащие на ней, сохраняются. При этом в юридической науке распространено представление, согласно которому свойство следования не распространяется на первоначальные способы приобретения прав собственности (например, приобретательную давность). Подобные рассуждения можно встретить в работах Б.Б. Черепихина, Е.А. Суханова и Б.М. Гонгалов, противоположной позиции, в свою очередь, придерживаются К.С. Скловский и А.О. Рыбалов. Это свидетельствует о наличии неразрешенной отечественной наукой проблемы трактования Гражданского кодекса в части распространения права следования на случаи первоначального приобретения права собственности.

Актуальность вопроса о судьбе прав третьих лиц при оригинальном возникновении права собственности на вещь обуславливается его практическим значением, в частности при приобретении на основании ст. 302 ГК права собственности на имущество, находящееся в залоге. Например, может возникнуть ситуация, когда лицо, приобретая автомобиль от неправомочного отчуждателя, не могло об этом знать, однако на основании данных реестра уведомлений о залоге движимого имущества знало о том, что автомобиль находится в залоге у третьего лица. Должны ли в данной ситуации сохраниться права залогодержателя на

автомобиль? Для ответа на этот простой с первого взгляда вопрос необходимо углубиться в теорию гражданского права.

Развитие представлений о сущности оригинального приобретения права собственности в европейской традиции частного права

Прежде чем перейти к анализу действующего законодательства, представляется разумным рассмотреть исторический аспект данного вопроса, который корнями уходит в римское право. Римские юристы не знали понятий первоначального и производного приобретения права собственности, однако по всей видимости, чувствовали наличие этого разделения. Так, Павел, перечисляя различные основания владения, сначала указывает на те из них, которые мы бы назвали производными, а потом – на те, которые принято считать первоначальными (D.41.2.3.21). Кроме того, можно провести некоторые параллели между разделением способов приобретения прав собственности на оригинальные и деривативные и знакомым римскому праву различием способов приобретения прав *jure gentium* (основанных на естественном порядке вещей и доступных всем людям) и *jure civili* (основанных на римских законах и доступных только римским гражданам)¹.

Впрочем, судя по всему, даже если эта классификация была знакома римскому праву, в вопросе сохранения обременений она значения не имела.

¹ Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник. Нерсесянц В.С., ред. 3-е изд. испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М; 2021:405.

В трудах римских юристов при перечислении ими оснований прекращения сервитута мы не находим ничего, что было бы связано с оригинальным возникновением права собственности на вещь². Более того, Павел прямо указывает, что при конфискации (далее будет рассмотрено почему конфискацию можно рассматривать как оригинальный способ приобретения прав собственности) сервитут, будучи основным видом обременения в римском праве, сохранялся (D.8.3.23.2).

Вероятно, корни подобных представлений о судьбе обременений связаны с особенностями римского правосознания. Так, в итальянской романистике существует мнение, согласно которому любой переход прав собственности воспринимался римлянами как последовательное прекращение права у одной стороны и моментальное возникновение такого же права у другой [1, с. 53]. При таком подходе оригинальные и деривативные способы приобретения прав собственности теряют любое различие в своей правовой природе, а потому должны одинаково соотноситься со свойством следования ограниченных вещных прав и залога.

В привычном нам виде идею разделения способов приобретения прав собственности на оригинальные и деривативные предложил Гуго Гроций. Для объяснения механизма приобретения тех вещей, «которые имели хозяина, но его лишились», голландский юрист предлагал рассматривать их как вернувшиеся в «первоначальное состояние» [2, с. 224]. Вероятно, это можно трактовать так, что вещь сначала перестает быть объектом права собственности, а затем заново присваивается человеком как ничейная. Таким образом, возникает «юридическая секунда», в течение которой вещь возвращается в свое естественное состояние. Иными словами, создается фикция, согласно которой вещь, приобретаемую первоначальным способом, необходимо считать ранее никому не принадлежащей.

Гуго Гроций не высказывал своего мнения относительно судьбы прав третьих лиц при первоначальном приобретении, однако из описанного ранее подхода к сущности оригинального приобретения права собственности следует, что всякие обременения должны прекращаться, так как они, являясь по своей природе производными от права

собственности, не могут существовать без него. Соответственно, если право собственности одного лица на вещь прекратилось и моментально не перешло к другому лицу, то сама вещь в принципе перестала быть объектом права собственности, а следовательно, и других вещных прав.

При этом необходимо отметить, что при анализе теоретического вопроса, ответ на который будет иметь конкретные юридические последствия, не следует опираться на безаргументированно предложенную фикцию, автор которой не обращал внимание на то, какое значение эта фикция будет иметь в вопросе сохранения обременений при переходе прав на вещь.

В большинстве европейских правопорядков возобладали концепция, не указывающая на различие между оригинальными и деривативными способами возникновения права собственности в вопросе сохранения обременений. Например, § 945 Германского гражданского уложения ставит судьбу обременений при приобретении вещи по давности в зависимость от добросовестности нового владельца. Таким образом, гражданское право Германии, распространяя право следования на первоначальные способы приобретения права собственности, допускает прекращение прав третьих лиц лишь в том случае, когда приобретатель не знал о наличии таких обременений. Наличие подобного изъятия из общего правила характерно и для производного приобретения прав. Так, аналогичный правовой режим в российском праве установлен в отношении сохранения залога при приобретении заложенного имущества (п. 1 ст. 352 ГК РФ).

Оригинальные и деривативные способы приобретения права собственности в российской доктрине

В отечественной традиции гражданского права мнение о том, что при оригинальном приобретении прав собственности все обременения отпадают, было впервые высказано Б.Б. Черепахиным [3, с. 226]. При этом критерием разделения способов приобретения прав на производные и первоначальные Черепахин предлагал считать наличие или отсутствие правопреемства, которое он понимает, как зависимость права приобретателя от прав прежнего собственника [3, с. 313]. Черепахин напрямую связывает правопреемство с предусмотренным законом сохранением прав третьих лиц

² Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. Учебник. Томсинов В.А., ред. М.: Зерцало; 2003:275.

при смене собственника вещи. Таким образом, советский цивилист ставит судьбу обременения в зависимость от классификации способов приобретения права собственности, критерием которого является наличие правопреемства, выражающегося в сохранении обременений. Получившийся замкнутый круг лишает подход Черепашина эпистемологической ценности при решении вопроса о сохранении обременений в тех случаях, когда законодатель прямо на это не указал.

На практическую бесполезность деления оснований приобретения прав собственности на «первообразные» и «посредственные» обращал внимание еще дореволюционный юрист Д. И. Мейер, обосновывая это тем, что позитивное право не связывает с этой классификацией никаких юридических последствий [4, с. 54]. Более того, Мейер приходит к выводу, что даже с чисто теоретической точки зрения подобное разделение оказывается бессмысленным, так как при оригинальном приобретении ранее принадлежащей другому лицу вещи последняя ни на секунду не перестает быть объектом чьего-либо права собственности, а значит, вопреки мнению Гуго Гроция, не возвращается в естественное состояние.

Тем не менее в российской цивилистике возобладали позиция Черепашина, согласно которой при оригинальном приобретении права собственности прежние обременения не сохраняются. Такой же позиции придерживаются Е. А. Суханов, Б. М. Гонгало и Р. С. Бевзенко. Характерно, что вышеуказанные авторы никак не обосновывают свою позицию. Так, Б. М. Гонгало, описывая судьбу обременений при оригинальном и деривативном приобретении прав собственности, пишет лишь, что «правовое значение данного деления очевидно» при том, что само наличие дискуссии по этому вопросу уже говорит об обратном³.

Противоположное мнение можно найти в работах К. И. Скловского, который полагает, что при приобретательной давности все обременения сохраняются в случае, если приобретатель был о них осведомлен [5, с. 387]. Источник этой позиции Скловского, вероятно, находится в его представлениях о переходе права как последовательном прекращении права у одного лица и моментальном возникновении такого же права у другого лица.

³ Гражданское право. Учебник. В 2 т. Гонгало Б. М., ред. Т. 1. М.; 2017:334.

Такой подход, перекликаясь с ранее рассматриваемыми представлениями римлян о переходе права собственности, лишает смысла разделения оригинальных и деривативных способов приобретения прав собственности и соответственно требует признания отсутствия между ними различий, касающихся судьбы обременений.

Проблема толкования ст. 216 и 353 Гражданского кодекса

Российское законодательство прямо не регулирует обозначенную проблему. Пункт 3 ст. 216 ГК РФ устанавливает за ограниченными вещными правами свойство следования при переходе права собственности на вещь. Статья 353 ГК устанавливает аналогичное правило в отношении залога. Основное затруднение при толковании данных норм вызывает используемое ими понятие «переход права собственности». Некоторые авторы, в частности Е. А. Суханов, связывают переход права исключительно с производным способом его приобретения [6, с. 140]. Этим обосновывается ограничительное толкование ст. 216, согласно которому ее действие не распространяется на оригинальные способы приобретения прав.

Отходя от спорных вопросов доктрины в сторону анализа действующего законодательства, А. О. Рыбалов делает вывод, что формулировки, используемые в тексте Гражданского кодекса и судебной практике, свидетельствуют об отождествлении понятия «переход права» и «правопреемство» [7, с. 62]. Так, ст. 61 и 1241 ГК РФ употребляют термин «переход прав в порядке универсального правопреемства», а в определениях Верховного Суда используется словосочетание «переход права в порядке универсального или сингулярного правопреемства»⁴.

Однако с мнением Рыбалова по данному вопросу трудно согласиться. Учитывая, что в юридической науке традиционно выделяются лишь два вида правопреемства — универсальное и сингулярное, ранее указанное понятие, используемое Верховным Судом, могло бы без потери смысла быть сформулировано просто как переход права в порядке правопреемства. Если исходить из тождественности данных понятий, то их использование

⁴ Пункт 6 Постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности».

в одном выражении становится бессмысленной тавтологией. Более релевантным представляется противоположный вывод, согласно которому употребление в законодательстве и судебной практике термина «переход права в порядке преемства» свидетельствует о подразумеваемой возможности перехода права в каком-либо ином порядке, например, при первоначальном его возникновении. При таком расширительном толковании понятия «переход прав» свойство следования, закрепленное в вышеуказанных нормах, должно с необходимостью распространяться и на оригинальные способы приобретения права собственности.

Однако, даже если вслед за А. О. Рыбаловым поддержать ограничительное толкование законодательства с грамматической точки зрения, то судьба обременений при первоначальном приобретении прав на вещь все равно остается нерешенной. Так, сам Рыбалов указывает, что отказ нового собственника, получившего вещь от неправомочного отчуждателя, признать ограниченное вещное право другого лица, будет являться проявлением недобросовестности, так как ранее новый владелец согласился приобрести вещь, зная о наличии обременений [7, с. 67]. Такое поведение, будучи противоречивым, согласно принципу *venire contra factum proprium* будет считаться недобросовестным, а потому согласно п. 4 ст. 1 ГК РФ не может принести новому владельцу преимущество в виде освобождения вещи от обременения. Этот аргумент усиливается замечанием В. А. Багаева о том, что наличие обременений обычно учитывается при определении цены вещи, что позволит приобретателю извлечь еще одно преимущество из своего недобросовестного поведения, что будет явно противоречить принципу справедливости [8, с. 88].

Сохранение обременений при приобретении по давности

Однако аргумент о недобросовестности применим не ко всем оригинальным способам возникновения права собственности. Так, особого внимания заслуживает приобретение по давности владения ввиду того, что практика Верховного Суда значительно снизила требуемый от приобретателя по давности стандарт добросовестности⁵. Согласно

⁵ Определение СКГД ВС РФ по делу «№ 84-КГ20-1» от 10.03.2020.

позиции Верховного Суда, даже осведомленность о наличии у вещи собственника не является препятствием к возникновению у давностного владельца прав на нее в соответствии со ст. 234 ГК. Если аналогичный стандарт добросовестности применять и в отношении судьбы обременений при приобретении по давности, то апелляция к эстоппелю не представляется возможной, поскольку нет никакого противоречия в поведении лица, которое как при получении вещи во владение игнорировало права третьих лиц на нее, так и в дальнейшем их отрицало.

Вероятно, для определения судьбы обременений необходимо уяснить телеологический смысл самой приобретательной давности. Так, римский юрист Гай считал, что приобретательная давность предназначена для того, чтобы гарантировать права собственности текущих владельцев, что будет служить на благо общества (D. 41.3.1). В современной юридической науке смысл данного положения Дигест передается через термин «стабильность гражданского оборота». В контексте рассматриваемой нами проблемы необходимо отметить, что прекращение обременений на вещь при ее первоначальном приобретении может создать лишь угрозу для оборота, так как ухудшит положение, например залогодателей, чьи права окажутся в зависимости от действий третьих лиц. В свою очередь, появление новых рисков на стороне залогодателя потенциально может сделать сам институт залога менее привлекательным, что несомненно будет иметь негативный экономический эффект.

Более того, как правильно отмечает В. А. Багаев прекращение обременений может помешать использовать вещь во всей полноте ее хозяйственных функций, что также будет противоречить интересам гражданского оборота [8, с. 88]. Таким образом, не обнаруживается никакой политико-правовой необходимости в прекращении прав третьих лиц на вещь при приобретении ее по давности.

Сохранение сервитута при оригинальном приобретении права собственности

Отдельного рассмотрения заслуживает такой вид обременений, как сервитуты, зависимость судьбы которых от наличия или отсутствия преемства кажется еще более необоснованной. Еще со времен римского права сервитут (за исключением личного сервитута) рассматривался не только как

субъективное право лица, но и как объективное свойство участка (D. 8.5.2.2). Потеряв это свойство, господствующий участок может утратить всякую ценность, например, если он, будучи окруженным со всех сторон другими участками, лишится возможности прохода к нему. Такая ситуация представляется крайне несправедливой по отношению к собственнику господствующего участка, который потеряет возможность им пользоваться. Кроме того, это навредит всему обществу в целом, так как из участка не будут извлекаться его полезные свойства. Именно поэтому законодатель в отношении сервитута не предусматривает возможность его прекращения в случаях, когда новый владелец служащего участка не знал или не должен был знать о наличии обременения, как это установлено в отношении залога п.п. 2 п. 1 ст. 353 ГК РФ.

Более того, применение вслед за Гуго Гроцием «фиктивной» теории будет означать прекращение сервитута при оригинальном приобретении права собственности не только на служащий, но и на господствующий участок. Так, господствующий участок при приобретении по давности, возвращаясь в «первоначальное» состояние, теряет все юридические связи не только с лицами, но и с другими вещами, а это значит, что сервитуты, установленные в пользу данного участка, также должны прекращаться. Однако политико-правовой смысл подобного регулирования также остается не ясным.

Можно предположить, что прекращение сервитута, в частности, при приобретении вещи по давности владения, может быть оправдано теми целями, которые характерны и для самой приобретательной давности. Так, если участок не используется ни его собственником, ни обладателем сервитута, было бы разумно прекратить права их обоих в пользу давностного владельца, который, получив участок свободным от обременений, сможет использовать его более эффективно. Однако для достижения вышеуказанного результата совершенно не обязательно прямо связывать прекращение сервитута с приобретением вещи по давности. Более того, такой подход был бы несправедлив по отношению к тем обладателям сервитута, которые им активно пользовались.

В тех случаях, когда сервитут фактически не используется, интересы владельца служащего участка защищаются с помощью другой правовой конструкции, которая в римском праве была из-

вестна как *non usus*, а в современном российском законодательстве нашла закрепление в п.п. 1 п. 4 ст. 48 Земельного кодекса Российской Федерации. Таким образом, отпадение сервитута при его длительном неиспользовании может сопровождать приобретение по давности служащего участка, однако такая ситуация будет являться скорее случайным совпадением и не является обязательной.

Решение проблемы с помощью аналогии закона

Вышеизложенные аргументы составляют достаточное основание для расширительного толкования положений Гражданского кодекса, в соответствии с которым права третьих лиц на вещь должны сохраняться как при производном, так и первоначальном приобретении прав на нее. Однако можно выдвинуть дополнительный довод, согласно которому даже при выявлении пробела в регулировании статуса обременений при оригинальном приобретении права собственности его можно восполнить с помощью аналогии закона.

Так, ст. 41 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» предусматривает сохранение залога при конфискации недвижимого имущества. Таким образом, отечественный правовой порядок прямо устанавливает сохранение обременений определенного вида при первоначальном возникновении права собственности⁶.

Наличие подобного казуистического изъятия можно было бы рассматривать как исключение из подразумеваемого общего правила, заключающегося в прекращении всех обременений. Однако такое трактование не является логически необходимым. Законодатель мог специально урегулировать вопрос сохранения ипотеки в силу социально-экономической значимости данного института, оставив судьбу других обременений не определенной по причине сложности вопроса. В таком случае, даже признавая ограничительное

⁶ Вопрос об отнесении конфискации к оригинальным или производным способам приобретения права собственности остается дискуссионным. С точки зрения критерия правопреемства конфискация относится к производным способам, так как закон прямо связывает с ней сохранение обременений. Однако практическая бесполезность такого подхода уже отмечалась ранее. С точки зрения критерия воли, конфискация относится к оригинальным способам приобретения, так как однозначно происходит помимо воли прежнего собственника.

толкование понятия «переход права» в ст. 216 и 353 ГК РФ, образовавшийся пробел в праве можно восполнить, применив аналогию закона, опирающуюся на положение Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Так, представляется логичным по аналогии с сохранением ипотеки признать сохранение и других обременений при конфискации. Более смелое применение аналогии закона позволит распространить это правило и на другие оригинальные способы приобретения права собственности.

Выводы

Учитывая все вышеизложенные доводы, можно заключить, что из текста Гражданского кодекса при систематическом и телеологическом толковании его положений логически следует, что права третьих лиц должны сохраняться при первоначальном приобретении права собственности.

Обратный вывод противоречил бы европейской традиции частного права и принципу добросовестности, а также создавал бы угрозу стабильности гражданского оборота и имел негативный экономический эффект.

При этом вышесказанное не лишает значимости саму классификацию способов приобретения права собственности на оригинальные и деривативные. Данный вопрос остается теоретически и практически важным для подтверждения наличия у лица права собственности на вещь. Так, при производном приобретении право собственности у правопреемника возникает лишь тогда, когда таким же правом обладал правопрédéшественник. При первоначальном приобретении, напротив, права нового собственника по определению никак не зависят от статуса предыдущего владельца, так как право собственности в данном случае возникает исходя из прямого указания закона.

Список источников

1. Filippo Gallo, Studi sul trasferimento della proprietà in diritto romano proprietà letteraria riservata. Torino: Stabilimento Poligrafico Editoriale (S.P.E.) di C. Fanton; 1955:193.
2. Гуго Г. О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. М.: Ладомир; 1994. 868 с.
3. Черепакхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. 2-е изд. М.: Статут; 2020. 479 с.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право. 3-е изд., испр. М.: Статут; 2003. 829 с.
5. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. Учебное пособие для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; 2020. 1016 с.
6. Суханов Е.А. Вещное право. М.: Статут; 2017. 559 с.
7. Рыбалов А.О. Первоначальное приобретение права и судьба ограниченных вещных прав. *Закон*. 2018;(12):63–70.
8. Багаев В.А. Приобретательная давность как первоначальный способ приобретения права собственности. *Вестник ВАС РФ*. 2010;(1):73–93.

References

1. Filippo Gallo, Studi sul trasferimento della proprietà in diritto romano proprietà letteraria riservata. Torino: Stabilimento Poligrafico Editoriale (S.P.E.) di C. Fanton; 1955:193.
2. Hugo G. On the law of war and peace. Reprint, ed. 1956. Moscow: Ladomir; 1994. 868 p. (In Russ.).
3. Cherepakhin B.B. Works on civil law. 2nd ed. Moscow: Statute; 2020. 479 p. (In Russ.).
4. Meyer D.I. Russian civil law. 3^d ed., corrected. Moscow: Statute; 2003. 829 p. (In Russ.).
5. Sklovsky K.I. Property in civil law. Textbook for universities. 5th ed., revised and suppl. Moscow: Yurait; 2020. 1016 p. (In Russ.).
6. Sukhanov E.A. Property law. Moscow: Statute; 2017. 559 p. (In Russ.).
7. Rybalov A.O. Initial acquisition of rights and the fate of limited rights in rem. *Zakon = Law*. 2018;(12):63–70. (In Russ.).
8. Bagaev V.A. Acquisitive prescription as the original way of acquiring property rights. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2010;(1):73–93. (In Russ.).